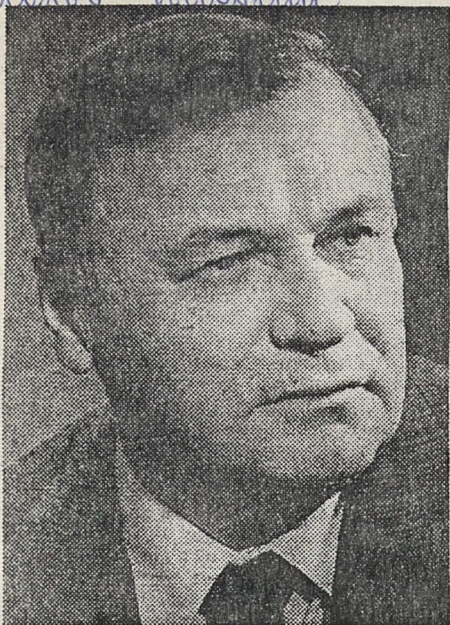

Михаил АЛЕКСЕЕВ:

«НЕ ВСЕ ЕЩЁ ПОТЕРЯНО»

Лит. Россия. — 1997. — 22 авг. — с. 5.

Говорил, что потерянный пятак молодости обернулся неразменным золотым.

— Да, хорошо он тогда отозвался о «Драчунах». А его «Ягодные места» я напечатал больше из политических соображений. Роман, действительно, многими отвергался, Евтушенко становился как бы мучеником. Зачем это? Лучше было опубликовать, чтобы все умные люди могли сделать свои выводы о художественной ценности произведения. И выводы были сделаны. Кроме романа, я поддерживал и его фильм «Детский сад», который тоже не пропускали на экраны. Как-то он затащил меня к себе на дачу и по видеомагнитофону показал длинный-длинный фильм, после чего попросил написать отзыв. И я на листочке бумаги набросал, что это интересный фильм, будет смотреться. И мой отзыв ему помог.

А поддерживал я не только Евтушенко. Я горжусь тем, что принимал участие как главный редактор «Москвы» в творческой судьбе Анатолия Иванова, Петра Проскурина, Валентина Распутина и других прекрасных русских писателей. Например, известный роман Иванова «Вечный зов» многие издания не принимали, а мы напечатали. И не ошиблись. А в журнал я пришел в то время, когда там как раз печатался роман Булгакова «Мастер и Маргарита». Начинать публикацию прежний редактор, и вдруг с моим приходом останавливают печатание. Спрашиваю: «А почему?» Мне сотрудники говорят: «Хватит ли у вас, Михаил Николаевич, сил пробивать дальше? Остальные главы еще страшнее». Я сказал: «Публикацию обязательно будем продолжать». Встретился с вдовой Булгакова. Она дала дополнительные материалы, которые в первую часть не вошли. Мы их восстановили и напечатали продолжение «Мастера и Маргариты».

ПЕРЕД ДРАКОЙ

— Читая лучшие книги советского периода, чувствуется внутреннее сопротивление художника атеизму. Думается, писатель, способный выразить душу соотечественника, не может быть неверующим. Вот и у вас в «Драчунах» пронзительно поет хор певчих, выражая преданность этой земли Богу.

— Это потому, что я очень русский человек. Меня с малолетства трогала красота церковных обрядов.

— «Драчуны» увидели свет в начале восьмидесятых. Скажите, не символично ли появление книги накануне большой драки на исторической меже? Или вы тогда об этом еще не задумывались?

— Да, тогда об этом я не думал, но ничего другого дальше писать не мог. Материал во мне копился очень долго, я знал: это нужно людям. И знал, что мне придется трудно с публикацией романа, но накопленное надо было выразить в художественном слове.

— Но все-таки, наверное, не случайно вы так назвали свою книгу?

— Конечно, не случайно. Помните, когда мальчишки начали драться, поднялось все село. Ведь когда начинается драка, трудно бывает найти виновника. Как напряженно мы жили в годы холодной войны: чуть-чуть и мог начаться кошмар. Ведь при Хрущеве мы едва не схватились с Америкой. А что касается драчливых ребятишек из романа, то они сами себе испортили детство, осложнили жизнь своим отцам, своим старшим братьям. Потом я еще подумал: такое название не очень пугает цензуру. Я знал: она стеной станет против этого романа. Так оно и получилось.

— А что могло напугать цензоров в этом произведении?

— Правда жизни, которой еще не было в учебниках истории СССР. Спасло роман то, что повествование ведется от имени 10 — 12-летнего мальчишки. Что ты с него спросишь, он рассказывает то, что пережил. И все. Первая и вторая части «Драчунов» вышли сравнительно легко. И уже было подписано к печати окончание. Я со спокойной душой уехал отдыхать к себе на родину в Саратовскую

«ОЛЕНИЙ АГЕНТ»

— Говорят Шолохов был в хороших отношениях со Сталиным и это якобы помогло появлению «Тихого Дона» в печати. Это к вопросу о взаимоотношениях художника и власти.

— Шолохов мне все сам рассказал. Я у него всю ночь сидел в Вешенской и слушал. В 1938 году к нему неожиданно явился сотрудник НКВД и предупредил, что этой ночью ему приказано арестовать писателя. А если Шолохов попытается убежать, то приказано его просто-напросто застрелить. Более того, им было даже желательно, чтобы он попытался убежать. Поэтому надо немедленно, до ночи, покинуть станицу. Но сотрудник говорит: «Забирайте и меня, ведь если я не выполню приказ, то меня самого уничтожат». И тут Шолохову ничего не оставалось, как ехать в Москву, прорываться к Сталину. У Шолохова уже тогда был свой автомобиль, и они уехали в сторону Сталинграда. Там оставили машину, а сами на поезде отправились в Москву. Шолохов всегда останавливался в гостинице «Метрополь». Ступив на гостиничный порог, он сразу же сел за

обратил внимание: в кабинете у Шолохова на стене висят небрежно прибитые оленьи рога. Пригляделся и увидел надпись: «Дорогому Михаилу Александровичу Шолохову в память о совместной охоте в Крыму. Н.Хрущев». Но рога были так небрежно прибиты, что даже трещина от гвоздей была видна. Заметив мое любопытство, Шолохов рассказал о том, как они вместе с Хрущевым охотились. Выехали, говорит, рано утром на открытой «лимузине», солнышко только-только поднималось. И вдруг видят: стоит на поляне олень. Никита Сергеевич трогает Шолохова за плечо: «Это твой, стреляй!». Шолохов поднял ружье, выстрелил появившиеся рога. Олень немного вздрогнул, потом успокоился и продолжал жевать траву. Никита Сергеевич рассердился, приказал шоферу развернуться и ехать обратно на дачу. Шолохова ни на завтрак, ни на обед не приглашает, тот сидит голодный. И только вечером, за ужином, когда Никита Сергеевич выпил, повеселел, вдруг поднимается и говорит: «Товарищи, среди нас завелся олений агент. Сегодня утром он не стал стрелять в оленя. Завтра вместо ружья мы ему дадим палку». Шолохов отвечает: «Никита Сергеевич, вашего оленя я и палкой могу убить, он же ручной!» И тут, говорит, поднялся хохот...

АВТОГРАФ ДЛЯ МИНИСТРА

— Насчет родины. Культурную природу России, ее глубинную реальность формирует не одна стихия. И с Золотой Ордой, например, пришлось много и не ушло отсюда, все здесь осталось. Причем далеко не самое худшее. Орда и Россию защищала в свое время, что доказывается неангажированной историей...

— Мне вот жена часто говорит: «Ты татарин...»

— Да? Но я, коли мы уж сегодня говорили о России и ее многовековых традициях, о ее духе и истории, хотел бы сказать вот о чем: как все стихии, формирующие отечественную историю и культуру, превратить в единый государственный порыв?

— А сумели ведь в свое время! Это и я описываю в романе «Мой Сталинград». Командиром минометной роты у нас был Усман Хальфин — казанский татарин. Какой же замечательный человек, какой отважный воин! Без него бы я, наверное, пропал. А из рядовых мне навсегда запомнился Барий Валиев. Надо было просто видеть, как при всех обстоятельствах он сохранял величие духа. Мне были очень близки эти люди. И вот сейчас мне нравится, как трепетно вы говорите о России. Наши чувства о родине совпадают, наши мысли близки. А идею единства я поддерживаю. Ведь мы и так вместе живем сотни лет.

— Вы, должно быть, чувствовали свое общественно-политическое влияние как известный романист, Герой Социалистического Труда, главный редактор солидного журнала, депутат Верховного Совета РСФСР?

— Я тридцать лет был депутатом Верховного Совета России, причем, всегда избирался на Саратовщине, в своих родных местах. Многое удалось сделать для людей. Конечно, со мной считались: Бывало, брал свои книги с автографом и шел к какому-нибудь министру. Часто это помогало, и нам удавалось решать проблемы дорог, газа.

Меня иногда спрашивают: есть ли у моих героев прототипы? Все они взяты из жизни, все они живут на моей родине. Помню, отмечали на родине мое 75-летие. Прошли литературные мероприятия, а перед самым отъездом привезли пиво, водку, кумыс, щедрую закуску. Я говорю: «Зачем все это? Тем более, я завтра утром уезжаю в Москву». Мне и говорят в ответ: «Михаил Николаевич, да чего вы беспокоитесь, ваши прототипы все выпьют...»

— Что же, народ наш еще находит в себе силы не унывать...

— Вообще, нам важно самих себя не перепугать, что все кончено, что нас раздавила массовая культура, что телевидение захвачено. Если так будем рассуждать, ниже и ниже склонять свою выю, то нашим противникам только того и надо. Не все еще потеряно! Вот в последнее время и у меня появились коммерческие издания «Ивушка неплакучей», «Вишневого омут», «Драчунов», «Карюхи». Потому что читатели просят, а коммерческим издательствам тоже деньги нужны. А уже всякой дрянью, порнографией они людей перекормили, здоровый читательский организм начинает отторгать эту дрянь. Так что надо оставаться самими собой, не забывая свои традиции и верить в свою Родину.

Беседовал

Камиль ТАНГАЛЬЧЕВ

Михаил АЛЕКСЕЕВ в редакции «ЛР»

область. И вдруг звонок из редакции «Нашего современника»: арестовали текст, требуют снять все описание голода. А роман ради этого и написан. В тот же день я вылетел в Москву и пошел к цензору. Я был с ним знаком. Говорю ему: «Вы же сами мне рассказывали, что, проезжая на поезде, видели, как на перроне валялись мертвые и умирающие». Он мне отвечает: «Но я обязан придерживаться официальной точки зрения. Вот только что вышло новое издание истории КПСС, найдите мне хоть одну строчку там о 33-м годе». Я говорю: «Если бы там были эти строчки, может, и роман бы я не написал». Но мне все же пришлось снять из текста упоминание о голоде на Кубани, Северном Кавказе, Сибири. От этого роман не пострадал, ведь читатель, прочитав рассказ мальчишки о его селе, сразу же скажет: а у нас был точно такой же голод. И я оказался прав. После выхода «Драчунов» буквально посыпались письма: «Неужели вы, Алексеев, были в нашем селе в Сибири? Мы вас там не видели, а вы так правдиво все описали...»

— «Драчуны» тогда многим понравились, многими были прочтаны. Особенно после появления в «Роман-газете»...

— Старший сын Михаила Шолохова, ныне тоже покойный, рассказывал, как зашел однажды к отцу в больничную палату, а перед ним раскрыта «Роман-газета» с моими «Драчунами». Шолохов лежит и плачет. Это были уже последние месяцы его жизни.

— Коли вы упомянули о Шолохове, скажите: откуда, на ваш взгляд, взялись сомнения в том, что он является автором «Тихого Дона»? Может, и здесь дает о себе знать тот же «дух отрицания, дух сомнения»?

— Это абсолютно вражеская затея. Ведь достаточно взять первые сборники шолоховских рассказов и в них увидишь конспект «Тихого Дона». Стилистика, мотив, и даже некоторые герои романа там уже присутствуют. Это можно не заметить лишь будучи ослепленным злобой.

письмо Сталину, где просил вождя срочно принять его. В письме изложил суть дела. Сталин был к Шолохову неравнодушен, он и раньше старался привлечь его к себе. Шолохов в то время являлся уже депутатом Верховного Совета, поэтому его письмо обязательно должно было дойти до Сталина. Стали ждатель ответ. Но шли дни, а ответа не было. И тогда, говорит, так запыли! Пьют, поют старинные казачьи песни. И вот в один из таких «веселых» дней в номер заходит молодой человек в полувоенной форме и говорит: «Товарищ Шолохов, вас вызывает товарищ Сталин. Сейчас идет заседание Политбюро, собирайтесь, поедем в Кремль». Но как явиться в Кремль в таком виде? Срочно вызвали буфетчицу. Она принесла кофе, а военный стал мыть Шолохову голову ледяной водой. Приехали в Кремль. Шолохова завели в кабинет, где шло заседание Политбюро. И тут Сталин обратился к писателю: «Шолохов, говорят, вы много пьете». У Шолохова сразу вырвалось в ответ: «Товарищ Сталин, от такой жизни, пожалуй, запьюсь». «Ну, рассказывайте». «Человек, который должен был меня арестовать, находится здесь, он вам лучше расскажет». Вызвали шолоховского спутника, он стал рассказывать. Сталин слушал и то и дело сверял рассказ с текстом шолоховского письма. Потом встал, пошел по кабинету, подошел к рассказчику и, посмотрев ему в глаза, сказал: «Такие глаза лгать не могут». А все члены Политбюро сидели в страшном напряжении: что он сейчас скажет, ведь в этот миг решался вопрос жизни и смерти. «Ну что, товарищ Шолохов, народ заждался вашей третьей книги. Поезжайте и работайте». Кстати, тогда жестоко наказали тех, кто отдал приказ на арест Шолохова.

— Говорят, и при Брежневе Шолохов влиял на политику и на государственные дела. Так ли это?

— С Брежневым у него не сложились отношения. Брежнев не принял его даже тогда, когда Шолохов собирался ехать на вручение Нобелевской премии. А вот с Хрущевым они дружили. Шолохов приезжал к нему прямо на дачу. Я однажды